

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Colloque de linguistique russe.
«Bibliothèque russe de l'institut
d'études slaves». t. XXXVII.
Paris, 1975.

Рецензируемый сборник — «Коллоквиум по русистике» содержит изложение докладов и сообщений, заслушанных на коллоквиуме по русской филологии, организованном Гренобльским университетом (Франция) в марте 1973 г. Вместе с тем это и 37-й выпуск «Русской библиотеки» Института славистики, а также специальный номер журнала «Преподавание русского языка».

В коллоквиуме принимало участие 58 французских русистов: представители 16 университетов, Института славистики, лицеев, Министерства Просвещения. Среди участников коллоквиума — видные французские русисты и преподаватели русского языка: К. Робер, Ж. Веренк, П. Гард, И. Жантийом, Р. Лермит, П. Поля и другие, а также исследователи, принадлежащие к молодому поколению. Сборник отражает состояние исследований русского языка во Франции и вносит определенный вклад в методику преподавания русского языка.

Во вступительном докладе Р. Лермит «Современное состояние исследований в области русистики» дается обзор основных направлений этих исследований. Хотя французские лингвисты и проявляют интерес к изучению истории русского языка, их основные работы посвящены различным аспектам современного языка. Если исследования в области фонологии и формальной морфологии сравнительно немногочисленны, то проблемы семантики грамматических форм, особенно глагольных, равно как и проблемы синтаксиса, напротив, привлекают все большее внимание исследователей. Начинает активнее изучаться лексика. Характерными чертами французской русистики на современном этапе являются: а) сравнительно малое место, занима-

емое «классическим» структурализмом, и большее внимание к семантической стороне языка; б) изучение различных аспектов языка в их взаимосвязи, например, в области звуковой стороны языка особое внимание уделяется интонации, выступающей как объект изучения и в синтаксисе, в области морфологии изучаются семантико-синтаксические аспекты частей речи, а также взаимодействие семантики и синтаксиса; в) обращение к сопоставительному анализу русского и французского языков; г) связь теоретических исследований с задачами практического преподавания языка. Таким образом, во многих своих направлениях французская русистика совпадает с общим направлением развития современного языкознания. Недостатком современной французской русистики Р. Лермит считает то, что слишком мало внимания она уделяет проблемам психолингвистики и особенно социолингвистики, тогда как положение русского языка как средства общения в многонациональном советском обществе представляет широкое поле для исследований.

Некоторых аспектов преодоления отставания русистики во Франции касается П. Гард в докладе «Так называемая «традиционная» и «современная» лингвистика».

К проблемам общего направления исследований в области русистики возвращается К. Роберт в своем заключительном слове. Он отмечает, что в послевоенное время русистика во Франции перестала быть кабинетной наукой и обращается ко все более широкой публике. Если французский исследователь русского языка, не будучи носителем этого языка, сталкивается с огромными практическими трудностями при его

изучении, то он, вместе с тем, имеет и некоторые преимущества: взгляд на язык «со стороны» наталкивает его на вопросы, которых, быть может, не задал бы себе носитель языка. Изучение современного языка, по его мнению, предполагает участие трех символических фигур: описателя, не являющегося носителем языка, лингвиста-теоретика и информатора — носителя языка. Лишь совместная деятельность этих трех фигур может обеспечить успех работы. Автор призывает к изучению лингвистики речи, к сопоставительному изучению двух языков, к таким исследованиям, которые имели бы выход к практическому освоению языка.

В нескольких статьях сборника рассматриваются проблемы, связанные с новыми тенденциями в подходе к языковым фактам. Так, в статье Ж. Веренка «Соотношение между лексикой и грамматическими категориями» ставится вопрос о том, предопределяет ли наличие в каком-либо языке тех или иных грамматических категорий особенности лексики данного языка. Автор выделяет два типа соотношений между лексикой и грамматикой: а) компенсация (отсутствие грамматической категории компенсируется лексическими средствами); б) изотропизм (в семантике грамматических категорий и слов проявляются одни и те же смысловые оппозиции). Последний аспект иллюстрируется различием одушевленности/неодушевленности, которая, по мнению автора, шире представлена в системе русского языка, чем французского, и проявляется не только в склонении, но и в значениях слов, в словообразовании (приставочные глаголы нередко дифференцируются по одушевленности субъекта или объекта: *потареть/устареть, родиться/заро-*

даться, утопить/затопить), в использовании уменьшительных форм существительных, в глаголах «неопределенного» движения. Отмеченные принципы противоречат друг другу, но это противоречие разрешается таким образом, что изотропизм проявляется в языке-системе, тогда как компенсация — в речевых реализациях. В статье Ж. Веренка затрагивается важная проблема, заслуживающая дальнейшего изучения на широком языковом материале.

Д. Крессель в статье «Теоретические проблемы сопоставительной грамматики русского и французского языков» отмечает, что необходимость в такого рода грамматике связана с тем, что сопоставление позволяет вскрыть ряд важных закономерностей изучаемого языка, поскольку грамматика русского языка, написанные русскими и для русских, не всегда отвечают на вопросы, встающие перед франкофонами, изучающими или преподающими русский язык. Автор подчеркивает мысль, проводившуюся в сопоставительных исследованиях (в том числе и изданных), что языки больше различаются в плане выражения, чем в плане содержания, и в морфологии больше, чем в синтаксисе. Наиболее целесообразным методом сопоставления автор считает ономастологический — выявление способов выражения в разных языках одного и того же коммуникативного задания. Если учитывать не только явные, но и «скрытые категории», не имеющие внешнего морфологического выражения, различия между языками оказываются менее значительными. Автор говорит о трудностях, которые могут возникнуть при исследовании вследствие различных традиций в описательной грамматике, когда за одними и теми же терминами стоят явления, различные по своей природе (например, местоимения *я, ты, он* в русском языке и *je, tu, il* во французском). Сравнивая формы спряжения в двух языках, он отмечает, что русскому языку свойственно «одноактантное» спряжение, ориентированное на субъект, тогда как во французском языке развивается «полиактантное» спряжение, ориентированное как на субъект, так и на объекты. (Эту мысль мы находим в трудах многих лингвистов: Мейе, Вандриеса, Мещанинова и других).

Коммуникативную функцию порядка слов в современном русском языке в большой статье исследует Ж.-П. Бенуа. Проблема актуального членения, впервые рассмотренная на материале французского языка (Вейль, Сведелиус, Балли), исследованная лингвистами

Пражской школы (Матезиус и др.), в последние годы стала предметом особенно глубокого и широкого изучения в русистике, чему способствует специфика синтаксического строя и словопорядка русского предложения. В современной русистике, в частности в трудах советских исследователей, изучение актуального членения поднялось на новую ступень. В начале статьи автор рассматривает ставшую уже «традиционной» контекстуальную теорию актуального членения, которая, однако, не объясняет всех особенностей словопорядка, ибо нередко рема (по терминологии автора статьи, — основа высказывания) выражается элементами, вполне известными собеседникам. Опираясь на труды советских и чехословацких русистов в области актуального членения, а также на исследования в области сопоставления французского и русского языков, автор подчеркивает, что особенности актуального членения и, следовательно, словопорядка зависят не только от контекстуального следования «нового» и «данного», но и от целого ряда факторов, касающихся прежде всего смысла предложения и его частей. Среди этих факторов: различие общего и частного значения предложения (его информационной стороны), предикации в узком смысле и верификации, степень обусловленности предложения контекстом, распространенность предложения (актуальное членение различно для двусоставных нераспространенных предложений и для предложений с дополнительными или обстоятельственными членами), значение существительного (неизвестное или частично известное), значение глагола-предиката (так, специфику проявляют экзистенциальные предикаты), семантические связи между членами предложения и другие. Автор присоединяется к мнению тех ученых, которые считают, что коммуникативная составляющая предшествует синтаксической и нередко даже предопределяет выбор лексем (особенно глагола, связывающего актанта). Для разных типов высказывания автор отмечает немаркированный порядок слов и закономерности функционирования его маркированных вариантов.

Вопросы соотношения между синтаксисом и семантикой затрагиваются также в ряде других статей. Л. Грюэль-Апер рассматривает глагольные конструкции с синтаксическим комплексом, состоящим из обозначений лица и части тела, например такие, как: *Его ударили по спине*. Выявлено около 30 разных конструкций такого рода, причем учитываются

как данные дистрибуционного анализа, так и субкатегоризация (возможность употребления одушевленноили неодушевленного субъекта или объекта). Автор акцентирует в своей статье внимание на методологическом аспекте, ставя вопрос о том, насколько материалы, полученные при анализе художественных текстов, могут служить объективной базой для научных выводов. Многие примеры, взятые автором из русской советской литературы, были оценены носителями современного русского литературного языка как неправильные. Поскольку в преподавании языка необходимо учитывать и нейтральную речь («языковой стандарт»), и литературно-художественные речевые реализации, отягченные различными коннотациями, то исследователь должен различать два плана: план синтаксического моделирования и план реализации в нейтральном и отмеченном контексте. Факторы, создающие отмеченный контекст: изменение нормы (современные информанты предпочитают *У него спину ломит* форме *Ему спину ломит*, приводимую в словаре Ушакова), позиционные грамматические и синтаксические варианты, сдвиги в семантике глагола, метафорическое смешение категорий одушевленности / неодушевленности. Автор приходит к выводу, что литературные цитаты трудны для использования в качестве рабочего материала при лингвистическом анализе, ибо они связаны с коннотациями, которые становятся ясными только в случае, если известна нейтральная норма. Отсюда — важность учета нормативных реализаций при лингвистическом исследовании.

Статья А. Одарченко посвящена более частной теме: синтагме прилагательное + инфинитив». Обрабатывая большой корпус текстов (3300 страниц прозы и поэзии XIX века), автор обнаружил, что эта конструкция встречается в среднем 1—5 раз на каждой странице. Всего отмечено 728 разных синтагм, причем в подавляющем большинстве случаев — это глагольные синтагмы (*он готов сделать то-то*) и лишь в редких случаях — именные (*человек, готовый сделать то-то*). Исследуемые конструкции отграничиваются от смежных явлений (сочетание инфинитива с предикативным наречием, причастием и пр.), выявляются различные речевые реализации этих конструкций. Так уточняется, что отрицание выражается как правило в прилагательном (*он неспособен признать вину*) и только у прилагательного *должен* — нередко в инфинитиве

(он должен был не шевелиться). Всего обнаружено в этих конструкциях 14 прилагательных, из которых самыми частотными оказались *должен* и *готов*. (78% всех синтагм). У разных прилагательных по-разному проявляются грамматические категории. Так, *рад* значительно чаще других используется в условном наклонении, *намерен* — в отрицательной форме. Здесь можно отметить недостаток, связанный с использованием при исследовании только определенных литературных текстов (об этой проблеме говорилось в рассмотренной выше статье Грюэль-Апер). Если те или иные реализации не встретились в данном корпусе текстов, то это отнюдь не значит, что они противоречат норме языка. Так, отрицание вполне возможно и при прилагательных *рад* и *готов* (*я был не рад, я был не готов делать то-то*), хотя А. Одарченко делает вывод, что «они — всегда в положительной форме» и что «единственное прилагательное, способное принимать отрицательную форму, — *намерен*». Эти факты подтверждают полезность проверки данных, полученных на основании исследования литературного материала, опытом носителей языка. При анализе морфологических условий употребления прилагательных целесообразно учитывать их употребимость в императиве (как известно, в русском языке императив отличается специфической употребимостью ряда грамматических форм и лексем). Так, большинство прилагательных в императиве не употребляется, могут употребляться только *готов* и *рад* (редко), тогда как в современном языке *добр* употребляется только в императиве (*будьте добры сделать то-то*). В целом изучаемая конструкция в современном языке относится, по-видимому, к числу непродуктивных, фразеологически ограниченных. Проведенный в статье семантический анализ показывает, что все прилагательные по значению группируются вокруг понятий 'мочь', 'долженствовать' и 'хотеть', которые входят в общее понятие «предрасположенности к действию».

Две статьи сборника посвящены проблемам русской фонологии. И. Фужерон разбирает проблемы безударного вокализма в русском языке. Редукция гласных связывается с изменением длительности и напряженности артикуляции. Приводятся экспериментальные данные, подтверждающие эти явления и делаются соответствующие методические выводы. Автор считает, что, тренируя произношение безударных гласных, следует настаивать не столько на со-

кращении длительности (излишнее сокращение может привести к полной редукции гласного), сколько на ослаблении артикуляционной напряженности, причем необходимо работать одновременно над соотношением гласных и согласных в безударном слоге.

Ж. Дюрен в обстоятельной статье «Некоторые вопросы русского консонантизма» приходит к нетривиальным выводам, на которые его натолкнуло, в частности, сравнение русского и французского языков. Изучая палатограммы и рентгенограммы русских согласных (в основном по книге Л. С. Скалозуб «Палатограммы и рентгенограммы согласных фонем русского литературного языка». Киев, 1963), он пришел к выводу, что артикуляция твердой согласной русского языка — сложное явление, результат произнесения «средней согласной» (соответствующей согласной французского языка) и заднеязычного, велярного [y], тогда как мягкая согласная создается одновременным произнесением среднего согласного и закрытого [ɛ]. Сравнение палатограмм французских и русских согласных показало, что русская твердая согласная представляет собой «среднюю согласную» (подобную согласной французского языка) + отодвинутое назад [y]. Автор приходит к выводу, что «призвук» русских твердых согласных является не [ы], как это обычно полагают, но [y]. Он подчеркивает важность горизонтальной оси (передняя — задняя артикуляция) для звуковой системы русского языка и вертикальной оси (открытость — закрытость) для французского. Свою гипотезу Ж. Дюрен проверяет в свете универсально-типологических и исторических факторов. В первом случае он рассматривает русские призывки на фоне общего явления «глайдов». В историческом аспекте он задается вопросом, почему только в русском языке выпавший [ъ], который, по-видимому, произносился в момент исчезновения как сверхкраткое [y], превратился в призвук, создающий твердые согласные, тогда как в других славянских языках имеются только «средние» согласные. Он объясняет это тем, что, возможно, субстратные языки в тех районах, где формировался русский язык, обладали микросистемой заднеязычных гласных. Вследствие этого и носовое [ɔ] превратилось в русском языке в заднеязычное [y]. Но вместе с тем он отмечает, вслед за советскими исследователями, современную тенденцию в русском языке к более передней артикуля-

ции твердых согласных. В заключение автор признает необходимость дополнительного исследования и аргументирования выдвинутых гипотез.

Во Франции большое значение придается изучению русского языка для чтения советских научных изданий. Большие заслуги в создании рациональной методики преподавания русского языка научным работникам имеет проф. И. Жантийом, автор специального учебника и ряда статей на эту тему. В статье «Вопросы преподавания русского языка французским научным работникам» он кратко излагает основные методические проблемы этой темы. Автор исходит из того положения, что научная речь не обладает автономией, но характеризуется лишь определенной лексикой и особенностями употребления некоторых форм и конструкций. Научная речь одновременно и уже и шире разговорной речи, так как не включает многих слов, оборотов, свойственных обиходно-разговорной речи и вместе с тем использует такие модели формирования терминов, которые несвойственны разговорной речи. Научная речь более потенциальна, т.е. в ней чаще, чем в обиходной речи формируются новые наименования (например, *микроскопирность препарата*). Поэтому неправильно идти к изучению одной подсистемы (научной речи) через другую (обиходную речь), дополняя ее терминологией. В связи с важностью потенциального словаря нужно «обучать не спискам терминов, но тем способам, с помощью которых термины образуются в языке». Нужно научить схватывать смысл слова на основании его состава, а также извлекать максимум информации из текста, основываясь на морфологических показателях. В заключение автор еще раз подчеркивает, что ускоренное обучение научной речи не может быть сведено лишь к дополнению терминологией обычного преподавания языка, а требует специфической методической разработки.

С. Фери в статье «Лексический анализ специального текста» исходит из тех же основных посылок и конкретизирует ряд положений. Анализ специальных текстов показывает своеобразное преломление общеязыковых грамматических средств: ограниченное использование глагольной и местоименной системы, частотность безличных оборотов и причастных форм, отглагольных существительных. Сравнивая списки трех частотных словарей (общего словаря Э. Штейнфельдт, словаря общенаучной лексики Е. М. Степановой и издан-

ного в США в 1960 г. русского словаря физики А. С. Козак), она приходит к выводу, что только 35% специальной лексики представлено в общем частотном словаре. Исходя из работ французских лингвистов, исследовавших научный язык, автор делит всю лексику, встречаемую в научных текстах, на 4 группы: а) общая лексика (общеупотребительная лексика, встречаемая и в специальных текстах: *мочь, большой* и т. п.); б) общая лексика научной направленности (общеупотребительная, чаще используемая в специальных текстах: *отношение, сопротивление*); в) общенаучная лексика (междисциплинарная, отсутствующая в обиходном языке: *уравнение, частица*); г) специальная (*дихлорэтан, селенистый кадмий*). Анализ приведенного текста по физике (из «Докладов АН СССР»), показывает, что слова отмеченных четырех категорий составляют соответственно 68%, 15%, 13% и 4% полноточных слов. Таким образом, предполагается, что знание 300—500 слов позволит научному работнику читать любой текст, связанный с его специальностью. Основное внимание уделяется неспецифическому языку науки — понятийному и операционному словарю научного общения.

Выводы обеих статей показывают, что специфика научного текста определяется не формулой «научный язык = общеразговорный язык + терминология», а формулой «язык специальности = общенаучный язык + номенклатура».

В. Водов в статье «Диахроническая лингвистика и палеография» касается проблем истории языка и палеографии. Он указывает на необходимость для исследователя обращаться к рукописям, так как многие издания древнерусских и старославянских текстов страдают одним из двух пороков: либо они дают текст в модернизированной графике, либо наоборот, слепо воспроизводят древний текст без всякого критического анализа. В обоих случаях невозможно использовать тексты для исследования вопросов фонетики, фонологии. Счастливым исключением, по мнению автора, является четырехтомное издание текстов XVII века, осуществленное Институтом русского языка АН СССР под руководством С. И. Коткова (1964—69 гг.) Автор выделяет тематические группы неизданных старославянских и древнерусских рукописей и приводит примеры, когда обращение к рукописям позволило уточнить некоторые вопросы исторического развития фонетики, морфологии и графики русского языка. Затем он останавливается на организационных вопросах преподавания русской палеографии, считая, что с помощью курса «Русская палеография» Л. В. Черепнина и превосходного «Палеографического альбома» В. А. Петровой можно без труда организовать лекции и практические занятия, позволяющие за 10—15 уроков научить студентов, знакомых с древнерусским языком, читать старые рукописи. Что касается научной работы, то славянские фонды Франции и сопредельных стран небогаты, случайны по составу и не дают базы для углубленных научных исследований. Основные славянские фонды находятся в славянских странах, особенно богаты, естественно, фонды библиотек СССР. Справочники Н. Ф. Бельчикова и др., так же как и более новый справочник П. Гримстеда, изданный в США (1972 г.), позволяют ознакомиться с этими фондами. В. Водов считает целесообразным централизовать каталогизацию славянорусских фондов, разделенных между 4 библиотеками в Париже, и организовать заказы на микрофильмирование рукописей из библиотек славянских стран.

Ряд выступлений касается также практических вопросов подготовки филологов-русистов во Франции.

Так, Ж. Фужерон в качестве основного недостатка формирования преподавателей-русистов для средней школы отмечает сугубо теоретический характер их подготовки, отрыв теории от прикладных исследований. Преподаваемая грамматика не вполне соот-

ветствует нынешней реальности русского языка. Во Франции существуют пока лишь исследования по частным вопросам современного русского языка, однако и эти труды требуют преломления для использования в преподавании. Автор считает необходимым наладить обмен научной информацией, организовать сотрудничество университетских исследователей и преподавателей средней школы. Повышение уровня подготовки преподавателей русистов можно осуществлять с помощью коллоквиумов, семинаров, стажировок.

Содержание сборника свидетельствует о новом подъеме исследований в области русистики во Франции. Обращает на себя внимание тот факт, что французские русисты внимательно следят за лингвистической литературой, издаваемой в СССР, обращаясь не только к исследованиям по конкретным проблемам русистики, но и проявляя интерес к общетеоретическим направлениям, развивающимся в СССР. Свое заключительное выступление организатор коллоквиума К. Робер закончил фразой: «Способность к быстрому обмену идеями — вот что должно быть теперь нашей основной заботой». Можно обратить внимание французских читателей сборника на многочисленные исследования советских лингвистов, в частности работников Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Университета дружбы народов им. П. Лумумбы, Института русского языка им. А. С. Пушкина, ведущих занятия с иностранными студентами, в которых теоретические вопросы непосредственно увязываются с задачами практического преподавания русского языка как иностранного. Много полезных уточнений французские русисты смогут найти в выходящих в СССР книгах и статьях, где проводится сопоставление русского языка с французским, хотя, конечно, очень многие вопросы нуждаются еще в специальном исследовании.

В. Г. Гац